

УДК: 316.6

DOI: 10.25629/НС.2022.02.09

ИССЛЕДОВАНИЕ ЭТОСА ТРУДНОРАЗРЕШИМОГО МЕЖГРУППОВОГО КОНФЛИКТА: КОНСТРУКЦИОНИСТСКИЙ ПОДХОД

Потанина А.М.

Психологический институт Российской академии образования

Аннотация. В статье представлены результаты эмпирического исследования этоса трудно-разрешимого межгруппового конфликта на материале российских и украинских СМИ. Целью исследования выступил анализ способов конструирования этоса трудноразрешимого межгруппового конфликта в дискурсе СМИ. Эмпирическим объектом исследования выступил конфликт на Украине. Выборку исследования составили 42 статьи российских и украинских изданий, опубликованные в период с 2014 по 2018 год. В качестве методологических оснований исследования выступили идеи конструкционистского подхода и разработки израильской научной школы исследований трудноразрешимых конфликтов. В качестве основного метода исследования использовался критический дискурс-анализ. Обнаружено, что как в российских, так и в украинских медиа присутствовали обращения к этосу конфликта, в частности к четырем темам: делегитимизация оппонента, виктимизация группы, оправдание групповых целей, поддержание положительного образа группы. Остальные темы либо упоминались в единичных случаях, либо не упоминались вовсе. Выявлено, что в российском медиа-дискурсе формирование единой позиции относительно конфликта происходило постепенно, тогда как в украинском медиа-дискурсе изначально обнаруживалось единое непротиворечивое видение конфликта. Результаты исследования могут внести вклад в проблему изучения этоса трудноразрешимого межгруппового конфликта, а также освещения затяжных насильственных конфликтов в СМИ.

Ключевые слова: трудноразрешимый конфликт, конструкционистский подход к исследованию конфликта, этос конфликта, дискурс-анализ.

Введение

Исследования трудноразрешимых конфликтов в данный момент являются одним из трендов в психологии конфликта [18]. В особенности внимание исследователей привлекают социально-психологические феномены, сопровождающие и определяющие течение конфликта, в частности восприятие и переживание конфликтной ситуации [3; 4; 7]. Однако, несмотря на обилие работ в зарубежной психологии [напр., 12; 20; 24], в отечественной психологии все еще обнаруживается достаточно небольшое количество работ, посвященных проблеме исследования трудноразрешимого межгруппового конфликта [5]. Представляемая работа является попыткой интеграции разработок различных направлений в изучении трудноразрешимого конфликта в исследовании, осуществленном на материале конфликта на востоке Украины.

Краткий обзор литературы

Трудноразрешимый конфликт определяется как интенсивный, затяжной, насильственный конфликт, воспринимаемый как неразрешимый его участниками [21]. Развитие подобного типа конфликтов происходит циклически: группы, вовлеченные в конфликт, вырабатывают социально-психологическую инфраструктуру в ответ на ситуацию конфликта, она, в свою очередь, усиливает присутствие конфликта в коллективных представлениях и общественных дискурсах. В дальнейшем социально-психологическая инфраструктура начинает определять восприятие и переживание конфликтной ситуации и становится социально-психологическим барьером, препятствующим переоценке ситуации и принятию новой информации о конфликте

[там же]. Трудноразрешимый конфликт является сложным феноменом, имеющим как объективные, так и субъективные характеристики: он сопровождается физическим насилием, требует значительных материальных и психологических ресурсов, является затяжным, занимает центральное место в общественных дискуссиях, воспринимается как затрагивающий основные потребности и ценности групп-оппонентов, и как неразрешимый [10]. Существуют различные направления исследований трудноразрешимого конфликта [17], одним из наиболее операционализированных и разработанных является подход, разрабатываемый израильской школой [20]. Наибольшее внимание в данном подходе уделено социально-психологической инфраструктуре конфликта, возникающей в ответ на вызовы конфликтной ситуации. Инфраструктура включает в себя такие элементы как этос конфликта, коллективная память о конфликте и коллективные эмоции.

Этос конфликта рассматривается как система социальных убеждений о конфликте, разделяемых группой, включенной в трудноразрешимый конфликт [5; 12]. Социальные убеждения представляют собой когнитивные структуры, заключающие в себе представления о том или ином объекте или событии. Д. Бар-Таль выделяет в структуре этоса восемь типов таких социальных убеждений: убеждения, поддерживающие положительный образ группы; убеждения легитимизирующие и оправдывающие цели группы; убеждения, делегитимизирующие оппонента; убеждения, виктимизирующие группу; убеждения о безопасности; о патриотизме; о мире и о единстве [12]. Этос конфликта является довольно устойчивой структурой, организующей восприятие конфликтной ситуации вовлеченными в конфликт индивидами и группами. Принятие этоса конфликта повышает аутигрупповую враждебность и усиливает процесс стереотипизации [11]. В этом смысле этос является социально-психологическим барьером, формирующим “черно-белое” восприятие и препятствующим переоценке информации о конфликте [25; 28]. Интересно, что этос, в качестве составляющей части нарратива, поддерживающего конфликт, также может приводить к формированию и других социально-психологических барьеров, например, самоцензуры [19]. Этос конфликта, как показывают исследования, также связан с восприятием угрозы [15], ориентацией на поддержку и оправдание существующей социальной системы [5; 22], с политической идеологией [27]. В некоторых работах социальные убеждения, формирующие этос, рассматриваются как зеркальные образы групп, вовлеченных в трудноразрешимый конфликт [24]. Так, например, социальные убеждения об оправданности целей группы поддерживают групповые цели и отрицают цели группы-оппонента. Социальные убеждения о делегитимизации и виктимности также являются зеркальными для групп, находящихся в конфликте. Зачастую группы даже используют схожий “язык” для делегитимизации оппонента [там же].

Важную роль в поддержке этоса конфликта играет общественный дискурс, в частности дискурс средств массовой информации [13]. Вопрос освещения конфликта в медиа является крайне важным в контексте возможностей разрешения и прекращения конфликта, поскольку медиа, зачастую, формируют и поддерживают этос, освещая события в эпизодичной, ориентированной на насилие, а также этноцентричной манере [14]. В этой связи особый интерес для нашей работы представляет конструкционистский (постмодернистский) подход к анализу конфликта, поскольку в нем акцент сделан на анализ общественной дискуссии вокруг разнообразных социальных явлений, в частности конфликта [4; 16]. В рамках конструкционистской парадигмы исследователи анализируют нарративы, циркулирующие в общественном дискурсе и задающие контекст интерпретации событий, а также конструирования значений, ценностей и смыслов [17; 29].

Методы

Целью нашего исследования выступил анализ способов конструирования этоса трудноразрешимого конфликта в дискурсе российских и украинских СМИ. В данном исследовании мы опирались на конструкционистский подход к исследованию конфликта, анализируя дискурс СМИ, а также на модель этоса конфликта, предложенную Бар-Талем [13]. Нас интересовало, к каким убеждениям о конфликте обращаются СМИ при обсуждении конфликтной ситуации. В качестве эмпирического объекта исследования мы выбрали конфликт на Украине в период с

2014 по 2018 год. Выборку исследования составили 42 статьи российских и украинских печатных и интернет-изданий, отобранных по критерию популярности в интернет-поисковиках Google и Yandex. В качестве основного метода исследования использовался критический дискурс-анализ [26]. Процедура дискурс-анализа осуществлялась по процедурному плану, предложенному Д.А. Хорошиловым. Для целей нашего исследования процедура была модифицирована и помимо анализа риторических средств и социальных фактов, конструируемых в текстах, мы также анализировали темы этоса конфликта, представленные в виде социальных убеждений о данном конфликте.

Результаты исследования

В результате проведенного анализа, нам удалось выделить ряд тем, к которым обращались как российские, так и украинские СМИ при конструировании этоса конфликта. В первую очередь это – делигитимизация оппонента и виктимизация группы. Как в российских, так и в украинских медиа стороны резко противопоставлялись: одна из сторон была представлена в качестве «агрессора», тогда как вторая сторона была представлена как «жертва», защищающаяся от агрессии. Так в обоих медиа-дискурсах использовались такие «ярлыки» [Матисон, 2013] по отношению к стороне-«агрессору» как *“каратели”*, *“агрессор”*, *“боевики”*, *“захватчики”*, *“окупанты”*, *“враг”*, подчеркивающими агрессивность стороны конфликта, намеренность ее действий, некий “злой умысел”, а также нелегитимность ее действий. При этом сторона-“жертва агрессии” описывалась через такие “ярлыки” как *“ополченцы”*, *“защитники”*, *“воины”*, *“бойцы”*, подчеркивающие вынужденность действий этой стороны и оправдывающие ее действия как «защиту от агрессии». При позиционировании действий сторон также подчеркивалась активность и намеренность действий стороны-«агрессора», тогда как действия другой стороны позиционировались как справедливый и равноценный «ответ на агрессию», что, по-видимому, имело своей целью легитимизировать действия этой стороны конфликта. Так, например, в российских новостных источниках, конфликтные действия позиционировались следующим образом: *“украинская армия начала...обстрел”*, *“...украинский агрессор продолжил обстрелы ...”*, *“Киев сделал ставку на уничтожение донецких и луганских политиков”*, а в украинских: *“Боевики нанесли артиллерийский удар...”*, *“...враг совершил 6 прицельных обстрелов...”*, *“...окупанты осуществили ...обстрел”*. Таким образом, при позиционировании действий сторон одной из них приписывались внешние причины действий, а другой – внутренние, что позволяет делегитимизировать действия одной из сторон конфликта, представить их как несправедливые и преступные, в свете чего действия другой стороны конструируются как адекватный и справедливый ответ.

Еще одной часто используемой в текстах темой стало поддержание позитивного образа группы. Если по отношению к стороне-«агрессору» преимущественно использовались “ярлыки” с негативной коннотацией, то по отношению к стороне-“жертве агрессии”, напротив, с позитивной, или даже актуализирующие некоторый «героический» образ участников конфликта: *“воины”*, *“герои”*. Интересно, что поддержание позитивного образа было связано в большей степени не с представлением действий стороны-“жертвы агрессии” в некотором позитивном ключе, но в противопоставлении ее действий, действиям “агрессора”. В отношении действий стороны-«агрессора» использовались такие описания как *“заботливо оккупированных [...] районах”*, *“...террористы намеренно обстреливают населенные пункты, где еще живут мирные люди”*, *“...агрессор продолжил обстрелы населенных пунктов...”*, что позиционировало ее действия либо как вторжение, либо как агрессию против мирного населения, что по всей видимости, также призвано представить другую сторону конфликта как действующую легитимно, справедливо и верно. Данный результат также позволяет говорить и о теме оправдания групповых целей – поскольку в данном контексте подразумевается, что целью является “защита от вторжения” и “защита мирного населения”.

Важно отметить, что представленные выше результаты характеризуют доминирующий дискурс обоих медиа. Тем не менее, в российских СМИ на первоначальном этапе конфликта обнаруживались и альтернативные интерпретации. Так, для описания участников конфликта в источниках, предлагавших альтернативные интерпретации, использовались такие “ярлыки”

как “военные”, “силовики”, “сепаратисты”. При позиционировании действий сторон наблюдалась попытка уравнивать ответственность обеих сторон за военные действия: “...ополченцы атаковали ...”, “...украинские силовики продолжали обстреливать...”, “стороны конфликта обвиняют друг друга”, что, вероятно, имело своей целью представить источники как объективные и достоверные для формирования альтернативного взгляда на конфликт. В украинских СМИ доминирующий дискурс, поддерживающий этос конфликта обнаруживался изначально.

Таким образом, подводя итог анализу дискурса российских и украинских СМИ можно отметить, что в данном случае мы можем наблюдать обращение к этосу конфликта при его освещении. В обоих медиа-дискурсах наблюдается упрощенная, “черно-белая” картина конфликта, выраженная в подчеркивании дихотомии “агрессоры – защитники”: позиционировании действий одной стороны как легитимных и справедливых, а другой – как несправедливых и преступных.

Обсуждение результатов исследования

На основании проведенного нами анализа, можно выделить следующие тенденции в конструировании этоса трудноразрешимого конфликта в медиа-дискурсе российских и украинских СМИ.

Яркой особенностью, обнаруженной в медиа-дискурсе как российских, так и украинских СМИ стало обращение к четырем темам этоса конфликта: делегитимизация оппонента, виктимизация группы, поддержание позитивного образа группы, оправдание групповых целей. Эти темы актуализировались при помощи репертуара риторических средств: при помощи “ярлыков” с негативной коннотацией актуализировался негативный стереотип одной из сторон как “агрессора”, тогда как вторая сторона была представлена в качестве “жертвы агрессии”. Данный результат согласуется с исследованиями феноменологии искаженного восприятия конфликта, а также с исследованиями этоса конфликта [7,13,15]. При позиционировании действий сторон подчеркивалась активность и намеренность действий стороны-“агрессора”, тогда как действия другой стороны позиционировались как «ответ» на “агрессию”, что, вероятно, имело своей целью легитимизировать действия, представить их как справедливые и верные. При описании причин действий сторон, стороне-“агрессору” приписывались, прежде всего, внутренние причины действий, тогда как “жертве агрессии” – внешние. Полученные результаты согласуются с идеями теории позиционирования [23], в соответствии с которой заданный “моральный порядок” определяет контекст приписывания прав и позиционирования участников конфликта. Полученный результат также согласуется с исследованиями проблемы атрибуции в дискурсивной психологии: описания событий в тексте “заряжены” различными объяснениями, представляющими в виде определенных риторических средств, конструирующих, таким образом, восприятие события [9].

Необходимо отметить, что в части публикаций российских СМИ, освещавших начало конфликта, наблюдалась попытка уравнивания ответственности сторон за военные действия, что, по-видимому, имело целью представить источники как объективные, а также предложить альтернативную интерпретацию событий. Данный результат соотносится с результатами исследований восприятия предвзятости источников СМИ [8], а также с идеями об исследовании альтернативных точек зрения на конфликт [5;16]. В дальнейшем в источниках обнаруживалось исчезновение альтернативных интерпретаций и формирование единой позиции относительно конфликта. В украинских СМИ, в свою очередь, изначально присутствовал определенный репертуар риторических средств, который с течением времени не изменялся. Возможно, это связано с изначальной заданностью официальной позиции по отношению к данному конфликту на государственном уровне, и СМИ, выражая интересы властных групп, ее транслировали, используя уже официально определенный риторический репертуар. Это согласуется с идеями критического подхода в дискурсивной психологии: отражением интересов социальной группы через системы значений, конструируемые при помощи особых лингвистических средств [1; 2].

Проанализированные выше особенности конструирования представлений о конфликте согласуются с описанными израильскими исследователями трудноразрешимого конфликта компонентами социально-психологической инфраструктуры [12,13]. Таким образом, мы можем

говорить о том, что доминирующий дискурс обоих СМИ поддерживает социально-психологическую инфраструктуру, путем обращения к темам конфликтного этоса, и, таким образом, конструирует образ рассматриваемого конфликта как трудноразрешимого.

Выводы и заключение

1. В дискурсе обоих СМИ наблюдаются обращения к таким темам этоса как делегитимизация и виктимизация групп-оппонентов, легитимизация и оправдания групповых целей, поддержание положительного образа группы. Темы безопасности, единства, патриотизма и мира обнаружены не были.

2. Конструирование этоса конфликта в обоих медиа осуществляется при помощи актуализации феноменологии искаженного восприятия: негативных стереотипов и приписывания ответственности за действия оппоненту, что выражается в использовании определенного репертуара риторических средств.

3. В российском медиа-дискурсе на начальном этапе конфликта обнаруживались альтернативные интерпретации, однако в дальнейшем сформировалась единая позиция относительно конфликта. В украинском медиа-дискурсе вокруг конфликта изначально обнаружился доминирующий дискурс.

Таким образом, нам удалось выявить и описать способы конструирования этоса конфликта в дискурсе СМИ. Полученные результаты могут внести вклад в проблему изучения этоса трудноразрешимого межгруппового конфликта, а также освещения затяжных насильственных конфликтов в СМИ. Необходимо также отметить ограничения данного исследования - мы анализировали только новостной дискурс, что может определять характер полученных нами результатов. Дальнейшие исследования других видов медиа-дискурса, а также представлений о конфликте аудитории СМИ позволит преодолеть данное ограничение.

Библиография

1. Ван Дейк Т. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. - 344 с.
2. Бусыгина, Н.П. «Дискурсивный поворот» в психологических исследованиях сознания // Консультативная психология и психотерапия. - 2010. - №1. - С.55-82
3. Голынчик Е.О. Коллективные переживания трудноразрешимых социальных конфликтов / Коллективные переживания социальных проблем // под ред. Т.Г. Стефаненко, С.А. Липатова. М.: Смысл, 2015. - С. 117-149.
4. Голынчик Е.О. Преимущества использования качественных методов в современных исследованиях восприятия конфликта // Социальная психология и общество. – 2018. - Т. 9. - № 3. - С. 53–61
5. Голынчик Е.О. Этос трудноразрешимого межэтнического конфликта: исследовательские подходы и перспективы изучения// Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. - 2020. – Т. 17. - № 1. - С. 29-50, <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-1-29-50>
6. Матисон Д. Медиа-дискурс. Анализ медиа-текстов. Х.: Изд-во «Гуманитарный центр» [О.В. Гритчина], 2013. - 264 с.
7. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: Учебник для вузов. 5-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2014. - 352 с.
8. Ariyanto A., Hornsey C., Gallois M. Group Allegiances and Perceptions of Media Bias: Taking Into Account Both the Perceiver and the Source // Group Processes & Intergroup Relations. - 2007. - Vol. 10(2). - P. 266–279. <https://doi.org/10.1177/1368430207074733>
9. Augoustinos, M., Walker I., Donaghue N. Social cognition. London: Sage, 2006. - P. 180-185.
10. Bar-Tal D. Sociopsychological Foundations of Intractable Conflicts//American Behavioral Scientist. - 2007. - Vol. 50. - No. 11. - P. 1430-1453.

11. Bar-Tal D., Raviv A., Dgani-Hirsh A. The Influence of the Ethos of Conflict on Israeli Jews' Interpretation of Jewish–Palestinian Encounters // *Journal of Conflict Resolution*. - 2009. - Vol. 53. - No. 1. - P. 94-118.
12. Bar-Tal D., Halperin E., Sharvit K., Zafran A. Ethos of Conflict: The Concept and Its Measurement// *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*. - 2012, Vol. 18. - No. 1. - P. 40–61.
13. Bar-Tal, D. *Intractable conflicts: Sociopsychological foundations and dynamics*. Cambridge, United Kingdom: Cambridge University Press, 2013.
14. Baden C., Tenenboim-Weinblatt K. The search for common ground in conflict news research: Comparing the coverage of six current conflicts in domestic and international media over time // *Media, War & Conflict*. - 2018. - Vol.11(1). - P. 22–45. <https://doi.org/10.1177/1750635217702071>.
15. Canetti D., Elad-Strenger J., Lavi I., Guy D., Bar-Tal D. Exposure to violence, ethos of conflict, and support for compromise: Surveys in Israel, East Jerusalem, West Bank, and Gaza // *Journal of Conflict Resolution*. – 2017. – Vol. 61(1). – P. 84–113. <https://doi.org/10.1177/0022002715569771>
16. Cohrs J.C., Ulug O. M., Stahel L., Kışhoğlu R. *Ethos of Conflict and Beyond: Differentiating Social Representations of Conflict/ The Social Psychology of Intractable Conflicts*. Ed. by E. Halperin, K. Sharvit. Cham: Springer, 2015. - P. 33-47.
17. Coleman P. T. *Intractable conflict/ The Handbook of Conflict Resolution: Theory and Practice*. Ed. by P.T. Coleman, M. Deutsch, E.C. Marcus. 3rd edition. San Francisco: Jossey-Bass, 2014. - Kindle Edition.
18. Fisher R.J. *Intergroup conflict / The Handbook of Conflict Resolution: Theory and Practice*. Ed. by P.T. Coleman, M. Deutsch, E.C. Marcus. 3rd edition. San Francisco: Jossey-Bass, 2014. - Kindle Edition.
19. Hameiri B., Sharvit K., Bar-Tal D., Shahar E., Halperin E. Support for Self-Censorship Among Israelis as a Barrier to Resolving the Israeli-Palestinian Conflict // *Political Psychology*. - 2017. - Vol. 38. - No. 5. - P. 795-813
20. Halperin E. *Emotion in conflict: inhibitors and facilitators of peace making*. New York: Routledge, 2016. <https://doi.org/10.4324/9781315850863>
21. Halperin E., Levy A. *Intractable Conflicts / The Sage Encyclopedia of Political Behavior*. Ed. by F. M. Moghaddam. Sage, 2017. - P. 406-408.
22. Jost J.T., Stern Ch., Sterling J. *Ethos of Conflict: A System Justification Perspective // Social Psychology of Intractable Conflict. Celebrating the Legacy of Daniel Bar-Tal / ed. by E. Halperin, K. Sharvit*. Springer: Switzerland, 2015. - Vol. 1. - P. 47–59. https://doi.org/10.1007/978-3-319-17861-5_4.
23. Moghaddam F. M., Harre R., Lee N. *Positioning and Conflict: An Introduction / Global conflict resolution through positioning analysis*. Ed. by F.M. Moghaddam, R. Harre, N. Lee - Springer Science+Business Media, LLC, 2008. - P. 3-21.
24. Oren N., Bar-Tal D., David O. *Conflict, Identity, and Ethos: The Israeli-Palestinian Case/ The Psychology of Ethnic and Cultural Conflict*. Ed. by Y. T. Lee, C. McCauley, F. Moghaddam, & S. Worchel. 1st edition. Santa Barbara: Praeger, 2004. - P. 133-155.
25. Porat R., Halperin E., Bar-Tal D. The Effect of Sociopsychological Barriers on the Processing of New Information about Peace Opportunities // *Journal of Conflict Resolution*. - 2015. - Vol. 59(1). - P. 93-119.
26. Potter J. *Discourse analysis and constructionist approaches: theoretical background // Handbook of qualitative research methods for psychology and the social sciences*. Ed. by J.T.H. Richardson. Leicester: BPS Blackwell, 1996. - P. 125-140.
27. Schori-Eyal E., Halperin E., Saguy T. Intergroup commonality, political ideology, and tolerance of enemy collateral casualties in intergroup conflicts // *Journal of Peace Research*. – 2019. - Vol. 56 (3). - P. 425-439.

28. Wohl M.J.A., Porat R., Halperin E. Unfreezing cognitions during an intractable conflict: Does an external incentive for negotiating peace and (low levels of) collective angst increase information seeking? // *British Journal of Social Psychology*. - 2016. - Vol. 55. - P. 65–87.

29. Uluğ Ö.M., Lickel B., Leidner B., Hirschberger G. How do conflict narratives shape conflict- and peace-related outcomes among majority group members? The role of competitive victimhood in intractable conflicts // *Group Processes & Intergroup Relations*. – 2021. - Vol. 24(5). - P. 797-814. doi:10.1177/1368430220915771.

A STUDY OF THE ETHOS OF INTERGROUP CONFLICT: A CONSTRUCTIONIST APPROACH

Potanina A.M.

Psychological Institute of the Russian Academy of Education

Abstract. The article presents the results of an empirical study of the ethos of an intractable intergroup conflict based on the material of Russian and Ukrainian media. The aim of the study was to analyze the ways of constructing the ethos of an intractable intergroup conflict in the media discourse. The empirical object of the study was the conflict in Ukraine. The sample of the study consisted of 42 articles of Russian and Ukrainian publications published in the period from 2014 to 2018. The methodological foundations of the study were the ideas of the constructionist approach and the development of the Israeli scientific school of research into intractable conflicts. Critical discourse analysis was used as the main research method. It was found that both in Russian and Ukrainian media there were references to the ethos of the conflict, in particular to four topics: delegitimization of the opponent, victimization of the group, justification of group goals, maintaining a positive image of the group. Other topics were either mentioned in isolated cases or not mentioned at all. It was revealed that in the Russian media discourse the formation of a unified position regarding the conflict occurred gradually, while in the Ukrainian media discourse a single consistent vision of the conflict was initially found. The results of the study can contribute to the problem of studying the ethos of intractable intergroup conflict, as well as the coverage of protracted violent conflicts in the media.

Key words: intractable conflict, constructionist approach to conflict research, conflict ethos, discourse analysis.